

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Проблемы теоретизации археологического знания исследованы пока очень слабо, поэтому даже в исходном понятийном аппарате еще много неясного. В частности, необходимо разобраться в таких понятиях, как «археологическая теория» и «теоретическая археология». Какое содержание вкладывается в эти понятия? Рассмотрим эти вопросы по аналогии с теоретической историей и исторической теорией.

К. Д. Петряев, например, считает, что в исторических исследованиях могут быть выделены собственно исторические исследования, историко-теоретические труды и историко-понятийные исследования. Но автор не утверждает, что каждый из предложенных разделов требует подхода как к самостоятельному разделу науки¹.

Несколько подробнее останавливается на этой проблеме А. И. Уваров, который полагает, что выделяется тенденция к вычленению в исторической науке трех направлений: философии истории, теоретической истории и конкретной теории. Философия истории — это область, связанная с методологией истории, ее логикой и гносеологией, а конкретная история — с воссозданием хода конкретно-исторических событий прошлого. «Теоретическая история призвана освещать фундаментальные коренные вопросы собственно исторической науки с упором, видимо, на анализ вопросов всемирной истории. Теоретическая история — это история крупных проблем исторической науки как таковой»². Автор далее отмечает общую направленность развития науки в сторону создания фундаментальных синтетических теорий, интеграции научного знания отдельных дисциплин в связи с тем, что длительное время активно проходил процесс дифференциации знаний внутри науки. Действительно, история, как, впрочем, и современная археология, оказалась настолько разделенной тематически по эпохам, регионам, отдельным крупным проблемам, что потерялось представление о ней как о целостной науке, каковой фактически должна быть и история, и археология. Но будет ли такая интеграция представлять собой теоретическую историю или теоретическую археологию? Думается, что нет.

По-видимому, по образцу естественных наук данные разделы теоретической, а также археологической науки как одной из конкретных дисциплин истории следует назвать общей историей и общей археологией.

Общая археология должна представить нашу науку глобально, интегрируя все частные разделы, а главное, обрисовывая специфику археологического знания как одного из разделов социально-исторического знания.

Общее знакомство с археологией как специфической наукой длительное время осуществлялось в вузах по курсу А. В. Арциховского, называвшемуся «Введение в археологию», который, однако, совершенно не соответствовал задачам общей характеристики археологии как специфической науки, так как состоял из довольно произвольного набора лекций по конкретной археологии отдельных эпох и регионов.

В советской археологии понятие «общая археология» было предложено Я. А. Шером, который главным содержанием ее представлял необходимость четкого знания «возможностей» и «невозможностей» существующих методов исследования и формулирование задач по разработке новых методов³. К этому мнению, несколько расширив понимание данного термина, объединяющего логико-методологические разработки в противопоставлении конкретно-историческим (конкретной археологии), приближалась и наша точка зрения⁴. Однако в свете рассматриваемых в настоящее время проблем, особенно с выходом на более широкие сопоставления, надо признать эту точку зрения ошибочной. Проблема логико-методологических задач в археологии, как и в исторической науке, должна быть отнесена к сфере *философии археологии* или какой-либо иной, о чем речь пойдет ниже, поскольку это сфера теории археологического познания.

Общая археология должна, по-видимому, включать прежде всего проблемы объекта и предмета науки⁵, в которых наиболее рельефно отражаются обоснования и специфика археологии как особой системы научного знания исторического типа, знания, которое свойственно только данной науке в силу специфического подхода к исследованию исторического процесса развития древних обществ на базе изучения опредмеченных остатков их жизнедеятельности⁶.

В рамках общей археологии необходимо разрабатывать ее общую структуру и основные категории: «археологическая культура», «культурно-историческая» и «этнокультурная» общности, «археологическая эпоха» и «археологическая периодизация» и т. п. Важное место в этом разделе науки займут проблемы теории первобытной формации, ее периодизация и соотношение с археологическими эпохами, принципы создания региональных периодизаций и т. д.

Особенно важное значение в общей археологии для развития социально-исторического познания будут иметь теоретические основы изучения отдельных сфер социальной деятельности и истории общества как социальной целостности. В этих теориях должны быть обрисованы основ-

ные характеристики и закономерности развития отдельных сфер и общества, полученные в результате синтеза данных исторического материализма, социологии, этнографии, фольклористики, экономики и других наук, в том числе, конечно, и новейших достижений самой археологии. Именно эти теории и модели, а не отдельные экскурсы и аналогии, вырванные из своей системы, из этнографического и другого знания, должны составлять основания научных теорий археологии при построении конкретно-исторических концепций. Это и будет слой общетеоретического знания, на котором должно базироваться изучение истории конкретных обществ прошлого.

В нашей литературе уже имеются отдельные обобщения по различным сферам (работы С. А. Семенова, Ю. А. Краснова и др.), характеризующие, правда, пока лишь предметно-технологический способ деятельности, и в редких случаях намечаются выходы на обобщения социально-исторического способа жизнедеятельности (В. М. Массон и др.).

Главная задача общей археологии — представить науку как целостную систему, и вполне естественно, что здесь будет преобладать теоретическое знание.

Проблемы выделения и определения теорий в историческом знании породили немало трудностей, связанных прежде всего с пониманием теоретического знания в истории. При достаточно обстоятельном исследовании этих вопросов А. И. Ракилов выделяет в истории знание трех типов: историографию — эмпирические знания, историософию — «теоретическое знание об истории, эмпирическое знание которой дает историография». Сходные по объекту познания, они отличаются по предмету познания: «...первая описывает реальные события и ситуации в объективных процессах; вторая стремится понять их необходимые связи, т. е. законы»⁷. Наконец, историческая эпистемология есть теория исторического познания, охватывающего историографию и историософию⁸. Эта дифференциация теоретического знания в исторической науке чрезвычайно важна, поскольку имеет качественные различия по предмету исследования, не всегда учитываемые в работах историков и археологов.

В историософии речь идет о теоретическом *историческом знании* в изучении исторического прошлого, в то время как в эпистемологии предметом исследования является *историческое познание*, т. е. сам процесс познания прошлого.

Каждая из этих подсистем обладает своей спецификой, но в истории чаще всего, когда речь идет о теоретическом, имеется в виду ее эпистемологическая подсистема.

Историософия активно развивалась в рамках идеалистического понимания истории, которая рассматривала закономерности исторического процесса как реализацию определенных идей, поэтому сама эта дисциплина соотносилась чаще всего с философией (философия истории). Развитие и утверждение

материалистического понимания истории не только подорвало, но фактически привело к исчезновению историософии, на месте которой «возникает и развивается научно обоснованное теоретическое знание об исторической реальности, образующее вместе с историографией подсистему исторической науки»⁹.

Теоретическое знание является неотъемлемой частью исторического знания, которое проявляется особенно ярко в процессе исторического объяснения фактов и построения концепции исторического развития отдельных обществ, этапов или специфических явлений их истории, когда необходимо показать закономерности развития того или иного процесса.

В. В. Косолапов дает пространное определение исторической теории, которая представляется наиболее концентрированной, «сгущенной» формой исторического знания. Историческая теория конкретно-социального процесса — это форма систематизации достоверного исторического знания, опирающегося на некоторую совокупность описанных и научно объясненных исторических фактов и отражающая закономерности ряда исторических ситуаций»¹⁰. Следовательно, под исторической теорией здесь понимается особая форма исторического знания, основным элементом которого являются описание и объяснение исторических фактов и закономерность исторической ситуации, вскрытой этим объяснением, что автором достаточно просто выражено в задачах историка: «...описание и историческое объяснение закономерностей исторического процесса на основе кропотливого изучения данных и сведений о реальной действительности»¹¹. Непосредственно в теоретическую систему В. В. Косолапов включает лишь высказывания, объясняющие исторические факты или же высказывания, выводимые из первого как следствие. Фактуальные описания — это элемент эмпирического осмысления исторической теории¹².

Поскольку археология рассматривается как историческая дисциплина, можно провести и определенные аналогии между исторической и археологической теорией. Естественно при этом, что археологическая теория будет отражать специфику своего предмета науки.

Содержанием археологического знания, если оставить в стороне источники описания, должно быть знание о социально-историческом развитии древних обществ, изучаемых средствами археологии. Это знание формируется из двух основных подсистем. В одной на базе описания археологических источников реконструируются явления, события, объекты образа жизни прошлых общин. Прошлая историческая действительность воспроизводится здесь на уровне предметно-технологического способа деятельности, создавая эмпирический базис следующего уровня подсистемы — исследования закономерностей социально-исторического развития древних обществ. Для выполнения этой

задачи необходимо *объяснить* отдельные явления образа жизни с точки зрения их взаимосвязи, взаимообусловленности, причинно-следственных отношений и т. д.— словом, всего того, что составляет объяснение фактов как проявление социально-исторического способа деятельности. Такое объяснение может быть достигнуто только на уровне теоретического осмысления фактов прошлого, на уровне формирования определенной археологической теории. Таким образом, археологическая теория получает свое наиболее полное выражение в той части археологического знания, которая включается в археологическое объяснение. Правда, в археологии чаще всего пишут не об археологической теории или объяснении, а об *археологической концепции*, в которой сконцентрировано все конкретное знание исследуемой области.

В целом определение исторической и археологической теорий достаточно близко определениям теорий в естественных науках, хотя между этими науками есть существенные различия. Естественные науки начинают исследование объекта путем эксперимента, в котором природные явления моделируются в соответствии с поставленной задачей. Для этого они ставятся в определенные условия, чтобы выявить новые свойства, зависимости и т. п. Закономерности, выявляемые при этом, и получают объяснение в научных теориях.

В истории объектом познания является жизнедеятельность прошлых обществ, в которых все процессы уже завершились и воспроизвести их в эксперименте, как в естественных науках, невозможно. В качестве непосредственного объекта исследования выступают источники, служащие материалом для выявления различных эмпирических зависимостей между его элементами в «мысленном эксперименте». В ходе его реконструируется историческая действительность прошлого, а затем исследуются закономерности ее развития. Законы же выявляются лишь в теоретическом познании. Отсюда функция археологических теорий состоит в объяснении закономерности социального развития реконструируемой действительности и, наконец, источников исследования. Практически теория должна соединить в единый процесс все три уровня исследования и представить изучаемый объект **в единстве, познанной целостности**, соединяющей различные уровни познания. В этом проявляется одна из главных особенностей археологического познания — изучение исторического прошлого осуществляется на различных уровнях исследования, что обусловлено сложноиерархическим уровнем организации общества¹³.

Исходя из сказанного, представляется необходимым эту особенность ввести и в целевую установку *предмета археологической науки*, в том числе социоархеологии, где данная особенность проявляется наиболее ярко: *археологическая наука ставит целью познания исследование закономерности развития со-*

циально-исторического процесса отдельных обществ прошлого (социально-исторических организмов) на различных уровнях их социальной организации, которые различаются степенью общности действия социальных законов. Эта цель может быть достигнута только в рамках археологической теории, которая выражает определенный уровень археологического знания — знания о закономерностях функционирования отдельных обществ прошлого, полученных на основе теоретического осмысления археологических источников, соотносимых с этими обществами (археологическими культурами). Проблемы формирования специфики данного уровня археологического знания должны стать предметом специального исследования.

Если археологическая теория является неотъемлемым компонентом археологического знания, то теоретическую археологию следует соотносить с археологическим познанием.

В философии отмечается, что система научного знания — это продукт мыслительной деятельности, концентрирующий достижения в исследовании законов развития объективного мира. Процесс деятельности, направленной на достижение знания, рассматривается как *научное познание*, при этом подчеркивается, что «процесс порождения знания... не является самим знанием, так же как результаты познания не исчерпывают его специфики»¹⁴.

В исторической науке А. И. Ракитов, как отмечалось выше, выделяет историческую эпистемологию как теорию исторического познания¹⁵, что, вероятно, и можно рассматривать как теоретическую историю. Близко по содержанию к этому и определение, которое дает А. И. Уваров, называя, правда, это исторической теорией: «такая форма исторического мышления, которая позволяет объяснить и воспроизводить социальные события прошлого на уровне объективной истины»¹⁶. Достоинство такого определения автор видит в достижении единства способа построения теории и средства достижения истины как результата научного анализа. При этом он ссылается на оценку В. И. Лениным подобной взаимосвязи: «Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной в этой конкретной обстановке»¹⁷.

В целом определение теории А. И. Уварова, по существу, сходно с общей характеристикой теории как своего рода математической машины, данной А. И. Ракитовым, который рассматривает «работу» теории «как функционирующую систему знаний, осуществляющую выработку («производство») новых знаний — эмпирических»¹⁸.

Термин «теоретическая археология» ввел как один из элементов структуры общей археологии Я. А. Шер. В одном слу-

чае он писал о том, что «теоретическая археология содержит методы мысленного отражения конкретного материала»¹⁹, а в другом — что это «модели исследования археологических данных, образующих теорию обработки археологических данных»²⁰. В этом же стиле Я. А. Шер характеризует большую монографию Ж.-К. Гардена «Теоретическая археология» как «анализ мыслительных процедур» археологов. Сам автор этой монографии пишет, что она «посвящена анализу приемов научных рассуждений в археологии», а полное определение его гласит: «Теоретическая археология. А. Изучение логической структуры научных построений в археологии. Б. Наука о способах создания знаковых построений в археологии и искусство делать их доброкачественными с точки зрения логистического анализа»²¹. Под логистическим анализом Ж.-К. Гарден понимает метод, «имеющий целью выразить рассуждения, лежащие в основе археологических построений в форме последовательности четко определенных операций»²².

В этой трактовке теоретическая археология практически ограничивается анализом сугубо логической стороны археологического познания. Не удивительно, что сторонники подобного взгляда рассматривают археологические объяснения в традиционном стиле функционализма, диффузионизма и эволюционизма.

Со времени кризиса начала 60-х гг. в западной археологии появились и новые тенденции, наиболее ярко выраженные в «новой археологии», когда археологи, пытаясь выйти за пределы простых реконструкций и описаний фактов, обратились к поискам новых объяснительных идей²³. Вместе с тем под влиянием философии науки позитивистского толка археологи сосредоточили основное внимание на логических основах суждений и оценок, образцы которых были заимствованы из различных философских течений. Одной из наиболее крупных работ этого типа было фундаментальное построение Дэвида Кларка «Аналитическая археология» (Лондон, 1968).

Следует, очевидно, упомянуть и конференции в Шеффилде²⁴ и Саутгемптоне²⁵, специально посвященные теоретическим проблемам археологических объяснений, и одну из последних специальных монографий на эту же тему²⁶.

Примечательно, что в данном направлении поиск сосредоточился на создании моделей археологических объяснений как основы построения археологической теории. По-видимому, это направление ближе к археологической эпистемологии как теоретической археологии. Однако и здесь теория познания рассматривается больше с формальной и логической стороны. Конечно, при построении научного знания, особенно археологической теории, логическая структура и анализ играют большую роль. Вместе с тем не меньшее значение имеют и мировоззренческие позиции исследователя, которые определяют характер постановки познавательных задач, решаемых археологическим

объяснением и теорией. Эти стороны нельзя игнорировать при рассмотрении теоретической археологии. Кроме того, поскольку здесь главным является *теория археологического познания*, этот раздел науки должен заниматься обоснованием и разработкой всей системы научно-исследовательской деятельности археологии как специфической научной системы, обрисованной в общей археологии.

Археологическая теория выражает уровень нашего знания объективной реальности — развития древних социально-исторических систем. В отличие от нее теоретическая археология будет иметь в целом логико-методологическое содержание, отражающее, насколько совершенен наш *познавательный аппарат*, насколько широко и глубоко позволяет он извлечь из источников необходимую социальную информацию для создания археологических теорий — концепций социально-исторического развития древних обществ, теорий, венчающих весь процесс творческого поиска археолога.

Задачи, близкие теоретической археологии, были сформулированы Ю. Н. Захаровым в понятии «общая археологическая теория», содержание которой — «разработать и теоретически обосновать соответствие археологического источниковедения и его понятий комплексу историко-социологических и культурно-этнографических теорий, их понятийному и категориальному аппарату»²⁷.

Структура теоретической археологии как ее познавательной системы требует специального исследования, чего пока нет в археологии. Можно отметить одно: как теория познания частнонаучной системы она в гносеологическом аспекте будет сходна с общей теорией познания. В качестве ближайших аналогий подобного труда приведем неоднократно упоминавшиеся монографии В. В. Косолапова, А. И. Ракитова и А. И. Уварова, где впервые в советской исторической науке были предприняты попытки рассмотреть проблемы исторической эпистемологии. В советской археологии накопилось уже немало статей по теоретической археологии, посвященных отдельным частным вопросам, появились и первые обобщающие поисковые исследования²⁸. Но в целом проблемы теоретической археологии еще ждут своих исследователей, и здесь нам не следует отставать от зарубежных коллег, которые, начиная с 60-х гг., оживленно обсуждают данные вопросы²⁹.

¹ См. Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971. С. 87.

² Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. С. 13. Автор, однако, непоследователен, поскольку в дальнейшем рассматривает теоретическую историю уже в ином понимании. Об этом будет сказано ниже.

³ См.: Шер Я. А. К характеристике структуры общей археологии // Тез.

- докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 53.
- ⁴ См.: **Генинг В. Ф.** Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983. С. 21.
- ⁵ См.: Там же. К тому же разделу относятся фундаментальные исследования Л. С. Клейна (см.: **Клейн Л. С.** Археологические источники. Л., 1978), освещающие специфику непосредственного объекта исследования археологии.
- ⁶ В исторической науке подобная проблема рассматривается в кн.: **Келле В. М., Ковальзон М. Я.** Теория и история: Проблемы теории исторического процесса. М., 1981.
- ⁷ **Ракитов А. И.** Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 145.
- ⁸ См.: Там же. С. 146.
- ⁹ Там же. С. 152.
- ¹⁰ **Косолапов В. В.** Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. С. 340.
- ¹¹ Там же. С. 99.
- ¹² См.: Там же. С. 326.
- ¹³ См.: **Генинг В. Ф.** Структура системы археологического знания // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982. С. 5—47.
- ¹⁴ **Крымский С. Б.** Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974. С. 32.
- ¹⁵ См.: **Ракитов А. И.** Историческое познание. С. 146, 152.
- ¹⁶ **Уваров А. И.** Гносеологический анализ... С. 205.
- ¹⁷ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 26. С. 139—140.
- ¹⁸ **Ракитов А. И.** Историческое познание. С. 117.
- ¹⁹ **Шер Я. А.** Некоторые вопросы теоретической археологии // Тез. докл. на сессиях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 404.
- ²⁰ **Шер Я. А.** К характеристике структуры общей археологии. С. 55.
- ²¹ **Гарден Ж.-К.** Теоретическая археология / Под ред. Я. А. Шера. М., 1983. С. 269, 196.
- ²² Там же. С. 54, 238.
- ²³ См. краткий обзор зарубежных авторов: **Клейн Л. С.** Метаархеология на Западе: Критический обзор современных представлений ученых Запада о содержании теории археологии // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. С. 49—52.
- ²⁴ См.: **Ренфрю К. Э.** Объяснение культурных сдвигов: Модели в доистории. Лондон, 1973 (на англ. яз.).
- ²⁵ См.: **Ренфрю К. Э.** Теория и объяснение в археологии. Нью-Йорк, 1983 (на англ. яз.).
- ²⁶ См.: **Сэлмон М. Х.** Философия и археология: Исследования по археологии. Нью-Йорк; Лондон, 1982 (на англ. яз.).
- ²⁷ **Захарук Ю. Н.** Методологические проблемы археологической науки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981. С. 15; см. также: **Он же.** К вопросу о содержании и структуре археологической теории // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. С. 43—46.
- ²⁸ См., напр.: **Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.** Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода). М., 1975; **Генинг В. Ф.** Структура археологического познания: Проблемы социально-исторического исследования. Киев, 1989; **Викторова В. Д.** Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989.
- ²⁹ См. некоторые рецензии: СА. 1973. № 2, 4; 1976. № 1, 2; 1982. № 1; 1983. № 3; 1989. № 1.